

Очти каждую ночь ему снится один и тот же страшный сон. Будто он мчится на какой-то огромной и диковинной машине по неровной, вздыбленной, изуродованной черными ямами земле, а вокруг — полчища чудовищ с оскаленными мордами и злыми мутными глазами. Ему нужно прорваться через это месиво уродов, но вдруг яркая вспышка, грохот, скрежет, он видит перед собой громадную разинутую пасть. Он пытается оттолкнуть от себя не-

ведомого зверя, но его руки исчезают в красной, почему-то дымящейся пасти. Слышен противный хруст, жуткая боль пронизывает всю душу и все тело. Он просыпается в холодном поту. Нет, руки не кровоточат, не видно никаких следов от тех ужасных зубов. Но рук действительно нет. По локти. Он снова засыпает, и теперь ему снится уже то, что было явью.

А был март 1945 года. В Восточной Пруссии в это время уже вовсю бушевала весна, шумели талые воды, звенели птичьи голоса. Всего этого, надо сказать, Григорий Руденко, как, впрочем, и тысячи других солдат, не видел и не слышал. Да и что можно было услышать за ревом и грохотом войны? И что можно было увидеть, кроме окрашенного в багровый цвет неба и изрытой, искалеченной земли? Здесь, на подступах к Кенигсбергу, вышла заминка. Крупная группировка немцев встала непреодолимой стеной на пути наступавших советских войск. Группировка была полностью окружена. Она оказалась отрезанной от баз снабжения и вырваться уже не могла, если бы даже очень захотела: не осталось ни капли горючего, на исходе были снаряды и патроны. И немцы, понимая, очевидно, всю обреченность своего положения, зарылись в землю, вогнали в нее танки и пушки и стояли насмерть.

Руденко, двадцатипятилетний старший сержант, был командиром танкового взвода — в его подчинении находились три тяжелых «ИС». Могучая, грозная сила! Да и сам он был парнем что надо — высоким, крепким, прошедшим уже, что называется, огни и воды. Оставалось пройти только медные трубы. Но это — впереди. А пока и без того было очень хорошо. В двадцать пять лет и в обычной-то жизни мир кажется прекрасным и вечным, а тут тем более: позади ужас и отчаяние первых километров войны, когда, казалось, наконец-то зацепились, еще немного — и пойдут вперед, но следовали новые сокрушительные удары фашистских дивизий, и они, разбитые и растерянные, тысячами брели по лесам и полям, чтобы, собравшись опять вместе, вновь и вновь пытаться остановить этот чудовищный напор огня и стали. И вот они поменялись ролями с врагом. Теперь уже их не удержит никакая сила. Еще чуть-чуть напрячься, поднажать — и все. Уже ясно виделась обратная дорога домой, встреча с родными и друзьями. Била в голову молодая кровь, когда представлял, как появится он на знакомой улице, плечистый, загорелый, в пропыленной гимнастерке, как в вечерней тишине мирного города будут звенеть его ордена и медали, закрывшие могучую грудь. Весна, молодость, близкая победа! Еще немного...

Утром 15 марта танковый взвод Руденко, входивший в со-

став полка прорыва, получил приказ подавить врага, не желавшего сдаваться. По горлышко залили топливные баки, по полной норме загрузились боеприпасами. Руденко — в головном танке. Делай, как я! И пошли. Немцы встретили лавиной огня. Вот машина содрогнулась, страшный грохот заложил уши. Прямое попадание в лоб! Но танк шел вперед, не загорелся, не взорвался, не остановился. Скоро Руденко понял, что немцы стреляют болванками — с настоящими снарядами у них, по всему выдать, туго было. Значит, главное, не подставлять бок, а лобовую броню они таким макаром не пробьют. Только командир об этом подумал, как механик-водитель, совершая маневр, чуть развернул машину, и в то же мгновение внутри танка что-то с адским грохотом лопнуло, перед глазами замелькали, с огромной быстротой увеличиваясь в размере, огненно-красные шары. И тишина.

Он и сейчас, спустя более полувека, не знает точно, что же все-таки тогда произошло и как он оказался на земле, в нескольких шагах от своего танка с рваной дырой чуть ниже башни. Видимо, болванка пробила все же боковую броню в тот момент, когда они так неудачно подставились. Бой гремел уже где-то впереди, а он, молодой и красивый, лежал на сырой мартовской земле, ничего еще пока не понимая. Как он вылез из загоревшегося танка, не помнит. Потом уже узнал, что выбрался один из всего экипажа. Остальные были убиты, когда раскаленная болванка, влетев внутрь машины, бешено крутилась в тесном пространстве, раздирая и сплющивая все на своем пути.

Вот он открыл глаза, увидел над собой синее весеннее небо. Жив! Значит, миновала его смерть на последних метрах войны, значит, придет он скоро домой, обвинит своих, гордо пройдет по тихой улочке, делая вид, что не замечает любопытных девичьих взглядов. Все это молнией пронеслось в мозгу, все это выделось как бы в хмельном, приятно затуманенном сознании. А когда он окончательно пришел в себя и остро, ясно, сильно ощутил боль во всем теле, особенно почему-то в ногах, то сразу обожгла страшная мысль: неужели что-то с ногами?! Да как же он придет тогда домой и кому он будет нужен, неподвижный и беспомощный? Он хотел опереться на руки, чтобы привстать и осмотреть себя, но от жгучей, невыносимой боли вновь потерял сознание. Забытье длилось недолго, может, всего минуту или две. А может, намного больше? Он этого не знает. Помнит только, что боль, пронзившая все его существо, словно сорвала последнюю пелену с глаз, и он увидел себя в голой, резкой, без всяких полутонов и полунадежд реальности. Он увидел, что одна рука его болтается на сухожилиях и обрывках кожи, и жуткая, острая, белая кость торчит там, где был локоть, а второй руки и вовсе нет. Тоже по локоть.

Григория Руденко, почти умиравшего от шока и большой потери крови, подобрали санитары и, оказав первую помощь, тут же отвезли в полевой госпиталь. А через неделю его отправили в Москву.

Так неожиданно горестно закончилась для молодого солдата война. Все вдруг рухнуло, когда до Победы оставалось каких-то полтора месяца. Уже не было, да и не могло быть радости от того, что выжил, что вернулся, не остался лежать там, где лежали тысячи и тысячи его боевых товарищей. Не для них теперь светило солнце, не для них пели свои разу-



*ОН СОЗДАЛ  
УНИКАЛЬНЫЙ,  
ЛУЧШИЙ В МИРЕ  
ПРОТЕЗ.  
СКОЛЬКИМ  
ЛЮДЯМ ЭТО  
ПОМОГЛО БЫ  
ВЫРВАТЬСЯ ИЗ  
КОГТЕЙ БЕДЫ!..*



далые песни птицы, не им улыбались заневестившиеся по весне девчата. Но и не для него и не ему. Черный занавес опустился перед ним. Как жить теперь, кому ты нужен, если не можешь не то что работать, но ложку ко рту поднести, штаны себе расстегнуть-застегнуть? Остаться без обеих рук в двадцать пять лет, когда все, кажется, только начиналось? И до того не очень разговорчивый, искалеченный танкист совсем замкнулся в себе, в своих тяжелых, безрадостных думах. Неимоверной тяжестью навалились на него отчаяние, тоска, бессилие и безнадежность...

Через пятьдесят три года одиннадцать месяцев и один день после той танковой атаки под Кенигсбергом я позвонил в дверь квартиры на третьем этаже большого дома на одной из измайловских улиц столицы. Меня встретил высокий пожилой мужчина, ладный, подтянутый, с веселыми, как мне показалось, глазами. Держался он прямо, никакой сутулости никакого намека на почтенный возраст. Чем-то он напомнил мне сложившийся в сознании под впечатлением книг и кинофильмов стереотип русского дворянина древних кровей: та же величавая осанка, та же изысканность манер, тот же большой и высокий лоб и крупные черты породистого, как говаривали, лица.

Я уже был наслышан об удивительном этом человеке, который, оставшись во время войны без обеих рук, стал уникальным мастером по изготовлению протезов... рук. Знал я то, что самые первые протезы он придумал и сделал для себя, а потом уже к нему пришла широкая известность как к одаренному и самобытному конструктору. Да, знал я о нем многое, но того, что ждало меня теперь, просто представить не мог. Наверное, вы поймете мою неловкость, когда я переступил через порог этого дома: вроде бы принято при знакомстве обменяться рукопожатием, но я не мог для себя решить, нужно ли это делать в данном случае. Зачем лишние раз вольно или невольно бить человека по больному месту. А Григорий Трофимович, вовсе не замечая моего смущения или просто-напросто не обращая на него никакого внимания, сам протянул мне руку. Зная, что это протез, я собрался вроде как имитировать рукопожатие, но моя кисть оказалась крепко стиснутой его рукой. Обычной человеческой рукой, только, может быть, менее мягкой и менее теплой. Заметив мою ошарашенность, хозяин дома задорно сказал:

— Это что! Я могу и пальцами шевелить.

И пошевелил! Каждым в отдельности. И правой рукой, левой. А ведь их, той и другой, не было по локти.

Да, передо мной стоял тот самый танкист, который весной и летом сорок пятого года уже всерьез подумывал о том, стоит ли ему жить дальше. Решил, что стоит. В госпиталях культы быстро заживали, вскоре ему выдали неуклюжие деревянные протезы. Так, одна видимость, что имеются руки

**РУКИ И РУКИ**

то они есть, эти деревяшки в черных перчатках, что их нет — все одно. Нет, это не годится, надо было что-то придумать. А поскольку Григорий Руденко с детства слыл парнем ашквитым, гораздо больше, чем всякие неожиданные решения, то и найти выхода он просто не мог. Так уж устроена голова изобретателя. Особая голова, особое мышление, дар Божий, одним словом.

А тут девчата ходили в госпиталь — было такое благородное ефское движение с целью как-то поддержать раненых. С одной из них сначала робко, тихо, а потом все сильнее и яростнее закрутился роман. Вера стала ему женой, двоих детишек родила — дочку и сына. В 1965 году Вера умерла. Через пять лет встретилась Раиса Андреевна, тихая одинокая женщина. У нее сын был, совсем еще пацаненок. Ей трудно, да и ему, Григорию, нелегко одному, без хозяйки-то. С тех пор и живут вместе. Дети выросли, своими домами обзавелись. Дочь работает швеей, один сын на электроламповом заводе полиовщиком, другой — юрист. В общем, все нормально.

Ну, а теперь самое время рассказать о конструкторе Т. Руденко. Первый свой протез, как я уже обмолвился, он придумал и сделал для себя: коль человек завел семью, не ожет же он жену в няню превращать. Надо и деньги зарабатывать, и по хозяйству хлопотать. Да мало ли для мужа в доме работы! А какая работа без рук... Протез получился не очень, может, складный, зато позволял уже не чувствовать себя беспомощным. Руки действовали! Это была, так сказать, базовая модель, которую он совершенствовал все это время, улучшает и теперь.

На работу его поначалу куда не брали: кадровики не хотели вешать на себя лишнюю обузу, как ни говори, а инвалид первой группы. Потом все же удалось устроиться завключом на хлебозавод. Вел там драматический, танцевальный и шахматный кружки. Шахматист, к слову, Григорий Трофимович вполне профессиональный — кандидат в мастера. Вот шахмат-то все и началось. Этой мудрой игрой увлекались основном не забудьды какие-нибудь, а люди интеллигентные — инженеры, передовые рабочие. Руденко что придумал: если ты, мол, Вася, мне проиграешь, то выточишь на моем станке вот такую детальку — и чертеж показывал. А инженера просил поточнее рассчитать какой-нибудь узел. Он, конечно, выигрывал и призы уносил домой. А вечером к кухне устраивался у тисочков и мастерил.

В общем-то ему было все ясно: надо было создать такую искусственную руку, которая могла бы писать, пользоваться ожом и вилкой, зажигать спички, отсчитывать деньги в магазине и нести домой купленные в этом магазине продукты. Он сделал такую руку. В примитивном изложении суть его конструкции такова: на специальном поясе, который крепится на груди инвалида, размещены фиксаторы, которые с по-

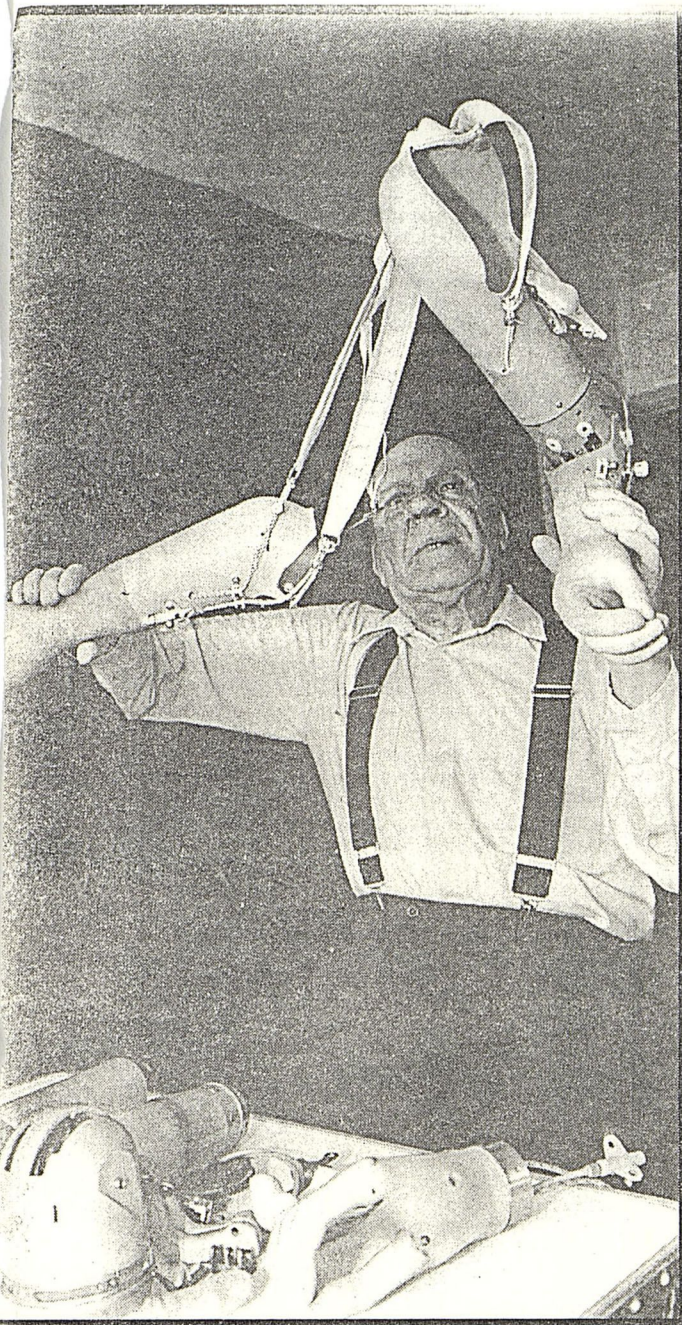
мощью рычагов и тяг передают усилия мышц спины и груди на механическую кисть. Это очень сложная инженерная система, позволяющая при определенном напряжении различных мышц приводить в действие отдельные части искусственной руки, включая пальцы.

В рассказе о Григории Трофимовиче Руденко я не ставил перед собой цель подробно объяснить читателю принцип действия уникального протеза — не моя это задача, каждый должен заниматься своим делом. Я бы хотел сказать о другом — о том, что талантливый изобретатель по сути в одиночку пытается решить важнейшую социальную проблему, затрагивающую интересы тысяч и тысяч людей. Да, инвалидов Великой Отечественной войны остается все меньше и меньше — солдаты Победы один за другим уходят от нас навсегда. Но ведь был Афганистан, была и остается Чечня. А сколько травм на производстве и в быту! А сколько рождается малышей без одной или без обеих рук! Спрос на протезы Руденко колоссальный. Его стол в небольшой однокомнатной квартирке завален письмами и фотографиями. Несчастные люди умоляют помочь. А что он может сделать один? Конечно, по мере сил пытается выручить человека, попавшего в беду. Я, безусловно, скажу о том, почему Руденко бьется в одиночку, а сейчас вот вам два эпизода.

Семнадцать лет назад привезли к нему в Москву ленинградского студента Павла Солтана. Парень попал под поезд, остался без ног и без рук. Протезы для ног ему выдали — типовые, те, что выпускает промышленность. А вот руки... Он хотел, чтобы руки ему сделал только Руденко. Мог ли отказать Григорий



# РУДЕНКО



Трофимович. Конечно, нет. Скажи о утрате. Михайлович Солтан работает и даже водит автомашину. Фантастика!

Или вот другой случай. Виктор Криничный, молодой мужчина из Подмосквья, чудом остался в живых, когда на их группу альпинистов обрушилась в горах снежная лавина. Все погибли, а его, полумертвого, нашли в завале через несколько дней спасатели. Сильный, хорошо физически развитый человек вырвался из когтей смерти, но обмороженные руки ему пришлось ампутировать. От него, искалеченного, ушла жена. Он потерял, естественно, работу и уже был на той грани, за которой начинается вечность. Друзья, однако, в отличие от жены не бросили Виктора в беде, связались с Руденко, уговорили его помочь. Сегодня Виктор Иванович Криничный снова живет полной жизнью. Он стал доктором физико-математических наук, частенько ездит за рубеж на различные симпозиумы и конференции. К слову, докторскую диссертацию Криничный написал собственными руками, которые сделал ему Руденко.

Вы помните, я заметил, что самобытный изобретатель фактически в одиночку бьется над решением сложной социальной проблемы. Это действительно так, здесь нет никакого преувеличения. В 1965 году Григорий Трофимович Руденко, работавший тогда конструктором в Центральном научно-исследовательском институте протезирования и протезостроения, получил авторское свидетельство на свое изобретение, через пятнадцать лет — еще два. Да, все признали его конструкцию самой удачной и совершенной, но внедрять в производство не спешили. Важные чиновники глубокомысленно объясняли, что стране нужны миллионы тонн и миллиарды кубометров, а тут с какой-то ерундой лезут. Денег на эту «ерунду» не выделяли.

И тогда, чтобы как-то пробить своему детищу дорогу в жизнь, Руденко устроился на тот самый московский завод имени Семашко, который производил металлические полуфабрикаты для всех протезов. Несколько лет бился, но так ничего и не добился. Примитивное оборудование, которым был оснащен завод, позволяло выпускать именно уродливые полуфабрикаты, а не сложную и тонкую систему, которую создал Руденко. Он и просил-то у заводского начальства немного: закуток для экспериментов и слесаря с чертежником. Руки ведь у него все-таки не живые. Хотя почерк — каллиграфический. И вот этим самым почерком после многолетней безуспешной борьбы он написал заявление об уходе с завода «по собственному желанию и по существенной причине». И добавил, что если понадобятся его знания и опыт, то прошу, мол, обращаться, всегда готов помочь. Не понадобились... Зато когда на завод приходят запросы по поводу протеза Руденко, а запросы такие идут не только от наших несчастных соотечественников, но и из других стран, в ответ высылаются туманное: «Внедряем...»

В общем-то, если быть откровенным, то с завода имени Семашко и требовать-то особенно нечего: это предприятие как построили более восьмидесяти лет назад, так оно и осталось с теми же цехами, с тем же оборудованием. На реконструкцию, понятное дело, денег нет, нужны для протезного производства и специалисты, которых тоже нет. Для всей страны их готовят только один техникум в Питере. Что же

кто-то и попадет по распределению, значит, это неудачник, которого нигде больше не взяли. Непрестижное дело.

Надежда появилась в 1989 году, когда премьер советского правительства Н. Рыжков поручил заняться производством протезов конструкции Руденко серьезному ведомству — ракетно-космической корпорации «Энергия» имени С. П. Королева. Григорий Трофимович весь светился в те дни: теперь-то дело наверняка пойдет!

Его ввели в состав главных конструкторов этой солидной и могущественной фирмы. На стендах, где экспонировались новейшие образцы ракетно-космической техники, достойное место заняли модели его конструкции. Наконец-то стала близкой, уже реально осязаемой цель многих десятилетий жизни: скоро начнется массовое производство, и тысячи людей будут вырваны из тисков беды.

...Утром Григорий Трофимович тщательно побрился, надел свой лучший костюм и отправился сначала на метро, а потом на электричке в подмосковный город Подлипки, где находилась «Энергия». Но его туда не пустили. Его, главного конструктора! Сказали, что выписал пропуск. Пошел в партком, расположенный вне территории секретного объекта, там нехотя выдали бумажку, предварительно потеряв его вопросами типа зачем да по какому делу изволил приехать, а потом проверив все его ответы по соответствующим телефонам.

И так продолжалось каждый день в течение долгого времени. Издевательство? А что же еще? Но и на это унижение был готов наплевать Руденко. Сильнее личных обид ударило то, что в корпорации отчетливо и нескрываясь проявилось полнейшее равнодушие к его разработкам. Постепенно уменьшалось число людей, занятых этим «побочным» производством, а потом и вовсе прекратилось его финансирование.

Теперь маленький вопрос. А зачем, собственно, ломать копыта по поводу механической руки Руденко, когда на дворе расцвет эры электроники? Да, делают ныне и электронные протезы, но Григорий Трофимович убежден, и в этом с ним согласны многие авторитетные медики, что использование электронного протеза приводит к постепенной и необратимой атрофии целой группы мышц, которые «руководят» работой наших конечностей. Механическая же рука, наоборот, всячески стимулирует их деятельность. Так что проблема куда сложнее и шире, чем просто выбор той или иной конструкции.

Я уходил от Григория Трофимовича в состоянии менее восторженном, чем то, которое испытывал, когда встретился с этим замечательным человеком.

— Мне уже под восемьдесят, — горестно вздохнул Руденко, — и просто обидно отправляться в иной мир, не реализовав столько идей. У меня есть разработки протезов рук для женщин и детей — это совершенно особые схемы. Но никому, видать, мои идеи не нужны.

И еще он добавил:

— Для меня война не кончилась. Во сне воюю под Кенigsбергом, а просыпаюсь — и попадаю на другую войну. Гражданскую. И в этой войне, к сожалению, мне вряд ли удастся дожить до победы...

Виталий СУХАЧЕВСКИЙ  
Фото Геннадия МИХЕЕВА